

КАЛИНИН Алексей Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры частного права
Государственного университета по землеустройству;
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

КАТЕГОРИИ «ВОЛЯ» И «ИНТЕРЕС» В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена реконструкции теоретической модели взаимодействия интереса и воли, разработанной российскими цивилистами XIX века. Такой анализ позволяет создать систему координат для осмысления современных правовых противоречий, связанных с соотношением индивидуальных свобод и государственного регулирования. Исследование направлено на выявление эвристического потенциала классических концепций для решения актуальных задач современной юриспруденции. Научные задачи исследования включают последовательное решение следующих проблем: конкретизация терминов «интерес» и «воля» в контексте правовой философии XIX века; анализ механизмов взаимовлияния этих категорий в контексте их роли в формировании правовых норм и институтов; оценка эвристического значения исследуемых концепций для современной юриспруденции.

Ключевые слова: воля; юридический интерес; российская цивилистика XIX века; государственная школа; принцип добросовестности; формирование права.

KALININ Alexey Yuryevich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Private Law
of the State University of Land Management;
Professor of the Department of Public Law Disciplines
at the Institute of Management Technologies
of the Russian Technical University of MIREA

CATEGORIES OF “WILL” AND “INTEREST” IN RUSSIAN CIVIL STUDIES OF THE 19TH CENTURY

Annotation. The article is devoted to the reconstruction of the theoretical model of the interaction of interest and will, developed by Russian civilists of the 19th century. Such an analysis makes it possible to create a coordinate system for understanding modern legal contradictions related to the relationship between individual freedoms and state regulation. The research is aimed at identifying the heuristic potential of classical concepts for solving urgent problems of jurisprudence. The scientific objectives of the research include the consistent solution of the following problems: concretization of the terms “interest” and “will” in the context of the legal philosophy of the 19th century; analysis of the mechanisms of mutual influence of these categories in the context of their role in the formation of legal norms and institutions; assessment of the heuristic significance of the concepts studied for modern jurisprudence.

Key words: will; legal interest; Russian civil law of the 19th century; public school; principle of good faith; formation of law.

В российской цивилистике XIX столетия, представленной трудами К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, категория интереса обрела принципиально новое звучание [5,6,7,30]. В отличие от западноевропейской традиции, трактовавшей интерес как эгоистическое

стремление индивида, отечественные правоведы рассматривали его как социально обусловленный феномен. Такой подход позволял интерпретировать интерес не в качестве антагониста общественного блага, а как органичный элемент коллективной воли, формирующей правовые нормы.

Эта концептуальная особенность российской правовой мысли XIX века демонстрирует её методологическую оригинальность. Если в западной юриспруденции интерес и воля часто противопоставлялись как индивидуальное и коллективное начала, то российские цивилисты разрабатывали модель их диалектического единства. Подобная трактовка создавала теоретическую основу для понимания права как продукта взаимодействия личных устремлений и общественных потребностей.

Сказанное, однако, не означает отсутствие предпосылок формирования, указанного подхода. Существенную роль в формировании понятий интереса и воли в российской цивилистике XIX века сыграла немецкая классическая философия, задав методологические ориентиры рассуждения о праве как системной и рационально упорядоченной области [14]. В силу акцента на соотношении субъективного и объективного она способствовала осмыслению воли не только как личного побуждения, но и как фактора, подлежащего юридической оценке и регулированию. Российские правоведы заимствовали идею о том, что интерес должен соотноситься с универсальными основаниями правовой системы, что усиливало нормативный статус понятия интереса. Такое методологическое влияние обеспечило переход от эмпирических наблюдений к системным юридическим конструкциям. Под влиянием этой традиции формировалась установка на совместное рассмотрение интереса и воли как взаимозависимых категорий, определяющих содержание правовых институтов. Воля трактовалась не только как внутреннее состояние субъекта, но и как элемент юридической рефлексии, связанный с общественной регламентацией интересов [25]. В результате сложилась картина, в которой правовые нормы воспринимались как средство упорядочивания конфликтующих интересов посредством волевых проявлений, закреплённых нормой. Такая философская предпосылка заложила теоретическую основу для дальнейшего осмысления взаимодействия индивидуального и общественного в праве.

Рецепция идей французского просвещения оказала заметное влияние на концептуализацию волевых оснований права у российских цивилистов, привнеся акцент на рациональность и общественную полезность правовых институтов [20]. Идеи просвещения способствовали осмыслению воли как основания для легитимации правовых предписаний и как критерия их обоснованности с точки зрения общественного блага. В отечественной юридической мысли это привело к усилению внимания к волевым актам как источникам права

и к необходимости соотнесённой оценки интересов индивидов и общества. Таким образом, просвещенческая традиция помогла сформировать нормативное представление о воле как о компоненте правотворческого процесса. В результате рецепции таких идей воля стала рассматриваться и как коллективный, и как нормативно значимый феномен, имеющий непосредственное отношение к легитимности правовых норм. Российские цивилисты использовали данные основания для обоснования роли законодательства и государственной воли в защите общественных интересов при сохранении правового статуса индивидуальных интересов. Эти философские предпосылки подготовили почву для последующего анализа взаимосвязи интереса и воли в рамках правотворчества и правоприменения.

В работах российских цивилистов XIX века интерес преимущественно понимался как индивидуальная категория, связанная с личной выгодой и автономией собственника, что обуславливает акцент на частноправовой защите субъективных прав и свобод как главной цели правовой регуляции. Такая интерпретация ориентировала правовую доктрину на максимальную охрану частных правовых интересов. С течением времени в юридической мысли стал возрастать вес общественных измерений интереса в связи с социально-экономическими преобразованиями и развитием общественных институтов. Юридическая теория стала учитывать общественную функцию норм и необходимость ограничения частной автономии ради общего блага, в результате интерпретация интереса приобрела двойственный характер, сочетая личные и коллективные элементы. Переход от личного к общественному нивелировал прежнюю абсолютизацию индивидуального интереса и способствовал формированию баланса между частным благом и общественным порядком, что послужило основой для синтеза, в рамках которого интерес стал критерием легитимности правовых ограничений. Далее это стало методологической отправной точкой для изучения взаимосвязи интереса и воли в контексте правотворчества и правоприменения.

Цивилистическая мысль XIX века выработала ряд критериев для разграничения личных и общественных интересов, исходя из предмета охраны и непосредственного носителя интереса. Личные интересы понимались как направленные на удовлетворение индивидуальных потребностей и связанные с автономией субъектов права; общественные – как требующие участия государства или коллективных институтов для своей защиты и реализации. При этом важным крите-

рием выступала юридическая форма выражения интереса: права и обязанности, защищаемые частноправовыми средствами, чаще относились к личным интересам; если же реализация интереса была связана с общественными благами или регулировалась публично-правовыми инструментами, она трактовалась как общественная [12]. Таким образом различие опиралось на характер правовой защиты и механизм обеспечения интереса.

Концепция интереса оказала непосредственное влияние на формирование гражданско-правовых институтов, в первую очередь института собственности. Б.Н. Чичерин в своих трудах акцентирует внимание на исторической обусловленности института частной собственности. Он подчёркивает, что право собственности формируется в результате длительного процесса социально-экономических преобразований, отражая баланс интересов личности и государства [10, с.161] [29]. Учет общественного измерения интереса отразился в правилах о пределах распоряжения собственностью, в обязательственном праве и в институтах охраны неприкосновенности экономических отношений. Построение правовых механизмов исходило из необходимости согласовать личные притязания с общественными целями, что нашло выражение в нормах, ограничивающих или направляющих частноправовое поведение. В результате концепция интереса стала одним из ключевых ориентиров при разработке гражданско-правовых институтов и придаче им общественной функции.

Воля в российской юриспруденции XIX века трактовалась как фундаментальный источник права. Философское обоснование этого подхода заключалось в признании автономии человеческого духа. В философии свобода воли понимается как «особое субстанциальное, неизменяемое свойство человеческого духа» [23], его способность быть суверенным и автономным началом, т.е. самоопределяться, быть причиной самого себя (*causa sui*), производить «из себя» цели, нормативно-ценностные установки, произвольно, беспредпосылочно принимать решения, выбирать линию поведения. Данная концепция легла в основу понимания правосубъектности. К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин развивали идею воли как первичного элемента правотворчества, подчёркивая, что юридические нормы возникают из осознанного волеизъявления индивидов [1]. Этот подход противопоставлялся механистическим теориям права, игнорировавшим субъективный фактор. Российские цивилисты рассматривали волю не как пассивный объект регулирования, а как активное творческое начало, при этом этическая

составляющая воли занимала особое место в трудах отечественных правоведов. Способность к самоопределению рассматривалась как основа правовой ответственности, как корреляция между свободой волеизъявления и мерой юридической дееспособности. Таким образом, воля становилась не только источником норм, но и критерием их легитимности.

Процесс нормотворчества интерпретировался российскими юристами как акт коллективной волевой деятельности и формирование законодательства понималось как результат согласования индивидуальных волей в единое общественное волеизъявление. Особое внимание уделялось процедурным аспектам, обеспечивавшим репрезентативность этого процесса [9]. Через призму волевой теории объяснялась природа обязательной силы закона. Цивилисты подчёркивали диалектическое взаимодействие между волей законодателя и волей субъектов права. Таким образом, нормотворчество рассматривалось не как односторонний акт власти, а как производное от общественных потребностей. Данный подход позволял обосновать динамичность правовой системы, её способность эволюционировать вместе с изменением социальных условий.

Практическое применение правовых норм требовало учёта волевого элемента при их толковании. Так, судьям рекомендовалось анализировать не только букву закона, но и волю законодателя, стоящую за юридическими формулировками. Этот принцип особенно ярко проявлялся при разрешении казусов, не имевших прямого нормативного регулирования, когда воля участников правоотношений становилась ключевым интерпретационным инструментом [8].

Договорное право так же рассматривалось как наглядное воплощение волевой теории и действительность сделки ставилась в зависимость от свободного и осознанного волеизъявления сторон. Российские цивилисты разработали детальные критерии оценки подлинности воли при заключении соглашений и эти положения стали методологической основой для судебной практики по оспариванию сделок [21].

Диалектика индивидуальной и коллективной воли решалась через концепцию опосредованного правового выражения, а личная воля признавалась источником права лишь при условии её соответствия общественным интересам. Российские юристы XIX века разработали систему правовых фильтров, трансформирующих частные волеизъявления в общезначимые нормы, этот баланс обеспечивал гармонизацию автономии личности и потребностей правопорядка.

В трудах Д.И. Мейера и К.П. Победоносцева концепция интереса выступает как исходный источник правотворческой деятельности, определяющий направленность волевых актов субъектов права [17,18]. Авторы связывают мотивацию правотворчества с потребностью регулировать общественные отношения в соответствии с выявляемыми интересами. В результате интерес понимается не только как объект правовой защиты, но и как движущая сила, формирующая нормативные предписания. Д.И. Мейер подчёркивает аналитическую значимость интереса для обоснования норм, рассматривая его как критерий соотношения права с фактическими общественными потребностями. Такое понимание позволяет рассматривать волю законодателя как ответ на конфигурацию частных и коллективных интересов. При этом интерес выступает в роли рационального основания легитимации правовых предписаний. К.П. Победоносцев в своих работах рассматривает интерес в тесной связи с государственной и морально-культурной состоятельностью правовой системы. Для него интерес служит ориентиром, направляющим волю государственных органов при формировании норм, призванных сохранять общественную целостность. Подобная роль интереса способствует тому, что воля правотворца воспринимается как инструмент реализации выявленных общественных потребностей.

Г.Ф. Шершеневич критиковал одностороннее преобладание интереса над волей, указывая на риск утраты социокультурных оснований правовой системы. Эта критику иллюстрирует следующее замечание: «такой экстремизм абстрактного права в либерализме корректируется именно либеральным консерватизмом. Либерализм вообще плохо «дружит» с культурой и религией как основами общества» [15]. Следствием такого одностороннего подхода становится отрыв правовых предписаний от живых источников коллективной воли и моральных ориентиров. Г.Ф. Шершеневич подчёркивает необходимость учитывать волевые и культурные предпосылки при формировании норм и указывает на необходимость баланса между интересом и волей при правотворчестве, чтобы нормы сохраняли легитимность и социальную эффективность. По его мнению, волевые акты должны опираться на реальное соотношение интересов и учитывать историко-культурные контексты, что обеспечивает устойчивость правовой регуляции [32]. В этой связи, представляется, что Г.Ф. Шершеневич рассматривается как сторонник более целостного подхода к соотношению интересов и волевого начала в праве.

Следует отметить, что российские цивилисты XIX века интерпретировали теорию общественного договора как правовой механизм защиты индивидуальных интересов. Они рассматривали общественное соглашение как рациональную основу для гармонизации частных устремлений с коллективными потребностями. Либерализм как широкое течение знаменует ориентацию на индивидуализм, частную собственность, личность как носителя всех ценностей, начиная с ценностей социокультурных и экономических, а также религиозных. Данный подход подчёркивал необходимость правовых гарантий для реализации личностных интересов в рамках общественного устройства. Развивая идеи общественного договора, правоведы обосновывали производный характер государственной власти от воли индивидов, утверждая, что легитимность власти определяется её способностью обеспечивать защиту фундаментальных прав граждан. Такой взгляд создавал теоретическую базу для понимания общественной воли как инструмента реализации индивидуальных интересов через правовые институты [10].

Общественная воля, по мнению российских юристов, выполняла ограничительную функцию в отношении произвольного осуществления субъективных прав. Концепция общественной воли предусматривала создание правовых механизмов, предотвращающих злоупотребление правами, и включающих как законодательные ограничения, так и судебный контроль за соответствием индивидуальных действий требованиям социальной справедливости, что обеспечивает баланс между свободой личности и интересами общества в целом.

С.А. Муромцев разработал концепцию баланса частных и публичных интересов, основанную на принципе социальной солидарности. С.А. Муромцев рассматривал право как динамическую систему, призванную согласовывать разнонаправленные интересы через механизмы общественного взаимодействия. По его мнению, правовые нормы должны отражать равновесие между индивидуальной свободой и коллективными потребностями. С.А. Муромцев подчёркивал, что гармонизация интересов достигается через правотворческую деятельность государства, направляемую общественной волей. Его теория предусматривала активную роль законодателя в создании правовых условий для реализации как частных, так и публичных интересов, что способствовало формированию целостной концепции социально ориентированного права [33].

В работах Н.М. Коркунова государственная воля предстает как результат системного синтеза индивидуальных и коллективных интересов. Такая воля рассматривается не как абстрактная категория, а как продукт взаимодействия социальных потребностей и правовой регуляции. Данная модель подчеркивает нормативную функцию государства в согласовании разнородных интересов для обеспечения общественного порядка. Это понимание создает теоретическую основу для рассмотрения государственной воли как института согласования. Рассуждая о свободе воли, Н. М. Коркунов говорил, что «действия человека вызываются сознательной волей. Но главный вопрос заключается в том, подчинены ли акты нашей воли закону причинности; служит ли воля человека причиной явлений и имеет ли она сама причину?» [24]. Н. М. Коркунов пришел к выводу, что воля человека несвободна, она имеет причины и основания. Следует отметить, что при таком подходе государственная воля понимается как агрегат обусловленных волей, а не как сумма абсолютных индивидуальных намерений. Исходя из представлений Н.М. Коркунова, государственная воля выполняет функцию перераспределения приоритетов между конкурентными частными интересами, тогда как законодательная и административная практика рассматриваются как механизмы преобразования частных мотиваций в публично значимые решения [12]. При этом акцент делается на институциональных процедурах, обеспечивающих легитимность такого синтеза. Важным становится анализ причинно-следственных связей, формирующих волю индивида и общества в целом, а именно, государственная воля обладает относительной автономией, но сохраняет связь с источниками индивидуальных и коллективных интересов. Эта автономия выражается в нормативной переработке интересов и создании общих ориентиров правового регулирования, но при этом демонстрируется ограниченность произвольного волевого решения ввиду причинной обусловленности личных установок. Таким образом, концепция Н.М. Коркунова раскрывает государственную волю как интегративный, но обусловленный продукт социально-правового взаимодействия.

Коллизии между личными и общественными интересами в теории государственного суверенитета анализируются через призму приоритетов власти и легитимности. Суверенитет выступает как механизм установления границ допустимого частного поведения в интересах общего блага. Важность такого механизма заключается в способности формализовать критерии оценки кон-

фликтующих требований и обеспечивать их соответствие с государственными целями. При этом теория суверенитета подразумевает институциональные средства разрешения конфликтов, сохраняющие общественный порядок. По мнению Ф.М. Достоевского, «свобода для человека всегда представляет собой свободу выбора между добром и злом. Проблема заключается в том, может ли человек самостоятельно, руководствуясь своими собственными установлениями, определить, что есть добро, а что – зло» [31]. Сказанное подчёркивает сложность моральной автономии личности при столкновении частных предпочтений с общественными нормами. В контексте суверенитета возникает вопрос о том, кто и на каких основаниях определяет критерии общественного блага, следствием чего является необходимость институциональной интерпретации моральных выборов в правовой плоскости. Теория государственного суверенитета предполагает, что окончательное разрешение коллизий находится в компетенции публичной власти, но этот процесс требует нормативных ограничений и процедурной прозрачности. Юридические механизмы, обеспечивающие соразмерность мер и защиту основных прав, служат смягчению конфликта между частным и публичным интересом и государство обязано учитывать как объективные общественные потребности, так и связанные с ними субъективные права индивидов. Такой подход способствует легитимизации решений суверенной власти и снижению конфликтного потенциала. Диалектика личного и коллективного интереса в свете суверенитета проявляется через постоянный поиск баланса между ограничением и признанием индивидуальной свободы. Законодательские и судебные практики выполняют функцию проверки соразмерности государственных ограничений, учитывая причинную обусловленность индивидуальной воли и моральной самостоятельности. В результате формируются правовые механизмы, направленные на гармонизацию интересов без усиления произвольной власти.

К.Д. Кавелин рассматривает интерес как объективную основу правоотношений, которая определяет границы допустимой субъективной воли [7]. Такой подход придаёт нормам права опору вне произвольных намерений отдельных лиц. В результате интерес выступает в роли критерия законности волевых проявлений. В рамках этой концепции воля субъекта ограничивается объективно установленными интересами, когда личные устремления вступают в противоречие с общественными целями. Интерес задаёт пределы договорной свободы и служит ориентиром для

толкования волеизъявлений сторон. Поэтому нормативная оценка волевых актов осуществляется через призму общих социальных потребностей. Позиция К.Д. Кавелина предполагает, что признание интереса объективным основанием обеспечивает предсказуемость и стабильность правовых отношений. Отнесение интереса к вневолевым основаниям позволяет органам права корректировать проявления воли в согласии с требованиями общего блага [7]. Такая методологическая установка снижает риск произвольного толкования субъективных намерений.

Б.Н. Чичерин подчёркивает примат воли как ключевого фактора в формировании гражданско-правовых конструкций и организации общественных отношений. Воля рассматривается как активная сила, которая через институциональные механизмы выражает и упорядочивает интересы сообщества. Соответственно, правовые формы должны обеспечивать легитимное выражение коллективной и индивидуальной воли. Б.Н. Чичерин считал лучшей формой правления конституционную монархию, в которой монарх представляет начало власти, а народ и его представители — начало свободы. Для создания в российской империи конституционных основ, по мнению Б.Н. Чичерина, необходимо было учредить двухпалатное законодательное собрание, верхняя его палата должна была формироваться на базе Государственного совета из назначаемых правительством чиновников, а нижняя — из выборных представителей народа [28]. Эта программная модель демонстрирует веру Б.Н. Чичерина в институционализированную волю как средство согласования частных интересов с общественными задачами.

Методологические различия между К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным проявляются в их отношении к источникам правового регулирования и роли государства в имущественных отношениях. К.Д. Кавелин делает акцент на объективных интересах как ограничителях воли и на сохранении правовой стабильности. Б.Н. Чичерин, напротив, придаёт значение волевому аспекту и гибкости правовых институтов в ответ на социально-экономические изменения. «Основное различие между подходами Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина заключается в их оценке роли государства в имущественных отношениях. Б.Н. Чичерин выступает за динамическое развитие института собственности с учётом социально-экономических изменений, тогда как К.Д. Кавелин настаивает на сохранении традиционных правовых норм как основы стабильности. Такая дихотомия отражается в подходах к договорному праву, где различный баланс

между защитой интересов и предоставлением свободы воли определяет способы регулирования сделок и охрану собственности [27].

Говоря о влиянии идей российских цивилистов XIX века на последующее развитие правовой мысли, следует отметить, что преемственность концепций интереса и воли проявилась в работах учеников К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, которые продолжили развивать идеи своих наставников в русле государственной школы. Государственная школа объединила наиболее авторитетных ученых-юристов XIX века, имена которых сохраняют широкую известность в юридической науке и в современной России. В объекте внимания «государственников» оказались актуальные проблемы государственного строительства и развития законодательства в российском государстве, начиная с древней Руси [11]. Этот преемственный массив мыслей сформировал основу для дальнейших поколений цивилистов, опиравшихся на синтез историко-правового подхода и теории воли. Ученики К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина адаптировали основные категории интереса и воли к изменяющимся социально-правовым условиям конца XIX — начала XX века, переводя абстрактные концепты в практические доктрины. Их работы способствовали институционализации подхода к оценке интересов в правотворчестве и правоприменении, что обеспечило устойчивость терминологии и методологии [19]. В результате последующая юридическая мысль получила теоретическую платформу для анализа соотношения индивидуальных и общественных интересов.

Разработка доктринальных основ в трудах российских цивилистов оказала влияние на процесс формирования гражданского законодательства Российской империи и его последующих редакций. Уже в реформах М.М. Сперанского можно увидеть первые ростки либерализма, которые, однако, не приобрели широкого распространения. Свои реформы М.М. Сперанский пытался осуществить в рамках образования [15]. Такая историческая ретроспектива указывает на то, что элементы либеральной доктрины и идеи о соотношении индивидуальных интересов и государственной воли закладывались в правовую практику задолго до общенациональной кодификации. Доктринальные наработки, в том числе концептуализация интереса как основания правовой защиты и волевой составляющей юридических сделок, нашли отражение в подходах к кодификации гражданских норм. Эти идеи влияли на формулирование принципов, регулирующих частноправовые отношения, и на способ балансирова-

ния частных и публичных интересов в текстах нормативных актов [26]. Вследствие этого разработка Гражданского уложения и иных нормативных сводов происходила в контексте уже существующей научной традиции.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в трактовке волевой теории российские цивилисты XIX века предлагали особый синтез историко-политического подхода и теоретического внимания к государственности. В отличие от ряда западноевропейских школ, где акцент делался на автономию частной воли и частноправовой автономии, российская традиция включала в анализ соображения государственной целесообразности и исторической обусловленности норм. Это придало российской волевой теории выраженную государственно-ориентированную интонацию и фон для последующих интерпретаций. Отличия российской трактовки волевой теории выражались в том, что понятие воли рассматривалось не только как индивидуальное юридическое основание, но и как элемент, соотносимый с общественными интересами и историческим развитием правовых институтов. Такая специфика определила методологические границы сравнительного анализа и показала, что российская школа внесла уникальный вклад в понимание баланса между личной волей и коллективными целями. Вследствие этого последующая правовая мысль развивалась с учётом сочетания воли и интереса в национальном контексте.

Весьма актуальным представляется применение, указанных концепций и в сфере современного толкования принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ). Категории интереса и воли позволяют соотнести объективные требования добросовестного поведения с субъективным намерением участников правоотношений и выделять случаи, когда поведение сторон нарушает фундаментальные ожидания правовой стабильности. Юридическая практика и доктрина используют эти категории для обоснования как профилактических, так и корректирующих мер в гражданско-правовых отношениях. Учитывание свободы воли как компонента добросовестности особенно важно при оценке действий сторон, причиняющих вред либо извлекающих необоснованную выгоду. По верному замечанию Е.Н. Ищенко, «проблема свободы воли становится оселком, на котором проверяются на прочность идеи гуманизма и достоинства личности» [3]. В современной интерпретации ст. 1 ГК РФ это положение обосновывает необходимость оценки правомочий и намерений сторон в свете защиты личного достоинства и общественных интересов. Таким образом, категориальный

аппарат российских цивилистов XIX века способствует более тонкой интеграции этических критериев в правоприменительную практику.

Список литературы:

- [1] Белоус А.О. Философская концепция К.Д. Кавелина // Омский научный вестник. 2007. №5 (59). С. 12-14.
- [2] Гусарова М.А. К вопросу о роли французского Просвещения в становлении естественно-правовой концепции // Философия права. 2023. №1 (104). С. 38-45.
- [3] Ищенко Е.Н. Философские споры о свободе воли в зеркале современной культуры // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. №2. С. 285-289.
- [4] Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. - М.: ЮРИНФОРМЦЕНТР, 2003. - 358 с.
- [5] Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Избранные сочинения. - М.: Юрайт, 2017. - 189 с.
- [6] Кавелин К.Д. Основные начала русского судостроительства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях 1775 г. - М.: Либроком, 2014. - 215 с.
- [7] Кавелин К.Д. Собрание сочинений в IV томах. Т. IV. Этнография и правоведение. СПб, 1900. - 926 с.
- [8] Калинин А.Ю. Судебный прецедент как источник права в дореволюционной России // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2005. №2 (12). С. 22-27.
- [9] Калинин А.Ю. Вопросы правообразования с позиций структурно-функционального подхода: монография. М.: Юрист, 2011. - 453 с.
- [10] Калинин А.Ю. Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав: историко-теоретическое исследование: дис. ... доктора юридических наук. СПб., 2010. - 494 с.
- [11] Климов И.П. Государственная школа в российской историко-правовой науке XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №3. С. 214-218.
- [12] Козлова Н.В., Панкратов П.А. У истоков российской цивилистики. [Электронный ресурс] URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/45>
- [13] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб, 1908. - 356 с.
- [14] Куницын А.С. Западная философия права и Российская естественно-правовая мысль: опыт соотношения идей и почвы // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3 (41). С. 34-39.
- [15] Лукиан И. Либерализм и консерватизм как стратегии трансформации постсоветского про-

странства // Национальный юридический журнал: теория и практика. 2015. С. 5–9.

[16] Лукьянова Е.Г. Понятие закона в правовом учении Б.Н. Чичерина // История государства и права. 2013. № 7. С. 23–28.

[17] Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. – 348 с.

[18] Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М., 1873. – 234 с.

[19] Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: учебник. – М.: Норма, 2009. – 844 с.

[20] Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права: учения Нового времени. XVI–XIX вв. М., 2011. – 249 с.

[21] Панов А.А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки. // СПС «КонсультантПлюс»

[22] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/17/?ysclid=mknu8>

[23] Политова И.П. Воля и волеизъявление. – М.: Проспект, 2015. – 167 с.

[24] Сквозников А.Н. О свободе воли и способности к вменению в российской юридической науке в XIX – начале XX веков // Юридический вестник Самарского университета. 2020. №1. С. 86–89.

[25] Соломко З.В. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №1. С. 45–49.

[26] Сперанский М.М. О законах. Избранные работы и письма. – М.: Юрайт, 2025. – 267 с.

[27] Тахмазиди И.И. Право частной собственности в либеральных политико-правовых учениях Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина // Ленинградский юридический журнал. 2025. №1. С. 157–170.

[28] Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. – М.: Тип. Кушнерев и К°, 1894–1898, Т. 1–3.

[29] Чичерин Б.Н. Собственность и государство Ч.1. – М.: Тип. Мартынова, 1882. – 468 с.

[30] Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Тип. Кушнерев и К°, 1900. – 336 с.

[31] Шевцов С.Г. К вопросу о концептуальных основах усмотрения и свободы воли // Черные дыры в российском законодательстве. 2012. №2. С. 43–46.

[32] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. – 838 с.

[33] Муромцев С.А. Определение им основное разделение права. – М., 1879. С.27–30.

References:

[1] Belous A.O. The philosophical concept of K.D. Kavelin//Omsk Scientific Bulletin. 2007. №5 (59). S. 12–14.

[2] Gusarova M.A. On the role of the French Enlightenment in the formation of the natural legal concept//Philosophy of law. 2023. №1 (104). S. 38–45.

[3] Ishchenko E.N. Philosophical disputes about free will in the mirror of modern culture//Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. №2. S. 285–289.

[4] Cavelin C.D. Selected Works in Civil Law. – М.: YURINFORM CENTER, 2003. – 358 p.

[5] Cavelin K.D. Our mental order. Selected writings. – М.: Yurayt, 2017. – 189 s.

[6] Kavelin K.D. The main principles of the Russian judicial system from the Code of 1649 to the Institution of the Provinces of 1775 - М.: Librokom, 2014. – 215 s.

[7] Cavelin C.D. Collected Works in IV volumes. T. IV. Ethnography and jurisprudence. St. Petersburg, 1900. – 926 p.

[8] Kalinin A.Yu. Judicial precedent as a source of law in pre-revolutionary Russia//Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 2005. №2 (12). S. 22–27.

[9] A.Yu. Kalinin. Legal issues from the standpoint of structural and functional approach: monograph. М.: Lawyer, 2011. – 453 s.

[10] Kalinin A.Yu. Legal education in Russia: conceptual-categorical and structural-functional composition: historical and theoretical research: dis.... Doctor of Law. St. Petersburg, 2010. – 494 s.

[11] Klimov I.P. State School in Russian Historical and Legal Science of the 19th Century//Bulletin of Tyumen State University. 2011. №3. S. 214–218.

[12] Kozlova N.V., Pankratov P.A. At the origins of Russian civil studies. [Electronic Resource] URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/45>

[13] Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg, 1908. – 356 p.

[14] Kunitsyn A.S. Western Philosophy of Law and Russian Natural Legal Thought: Experience of Correlation of Ideas and Soil//Leningrad Law Journal. 2015. №3 (41). S. 34–39.

[15] Lukiyan I. Liberalism and conservatism as a strategy for the transformation of the post-Soviet space//National Law Journal: Theory and Practice. 2015. S. 5–9.

[16] Lukyanova E.G. The concept of law in the legal doctrine of B.N. Chicherin//History of the state and law. 2013. № 7. S. 23–28.

[17] Meyer D.I. On legal fiction and speculation, on covert and feigned acts. Kazan, 1854. – 348 s.

[18] Meyer D.I. Russian civil law. - M., 1873. - 234 s.

[19] Nersesyants V.S. History of political and legal teachings: textbook. - M.: Norma, 2009. - 844 s.

[20] Novgorodtsev P.I. Lectures on the history of the philosophy of law: the teachings of the New Age. XVI-XIX centuries M., 2011. - 249 s.

[21] Panov A.A. On the question of the categories of will, will and vice of will in the theory of a legal transaction. //SPS "ConsultantPlus"

[22] Pobedonostsev K.P. Course in civil law. Part Three: Contracts and Obligations. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/17/?ysclid=mknu8>

[23] Politova I.P. Will and expression of will. - M.: Prospect, 2015. - 167 s.

[24] Skvodnikov A.N. On free will and the ability to impute in Russian legal science in the XIX - early XX centuries//Legal Bulletin of Samara University. 2020. №1. S. 86-89.

[25] Solomko Z.V. In the circles of legal neo-Kantianism: to the question of the phenomenon of recep-

tion of the Kant philosophy of law in Russian legal understanding//Gaps in Russian law. 2012. №1. S. 45-49.

[26] Speransky M.M. On laws. Selected works and letters. - M.: Yurayt, 2025. - 267 p.

[27] Takhmazidi I.I. Private property law in liberal political and legal teachings B.N. Chicherina and K.D. Kavelina//Leningrad Law Journal. 2025. №1. S. 157-170.

[28] Chicherin B.N. State Science Course. - M.: Type. Kushnerev & Co., 1894-1898, Vol. 1-3.

[29] Chicherin B.N. Property and state Ch.1. - M.: Type. Martynova, 1882. - 468 s.

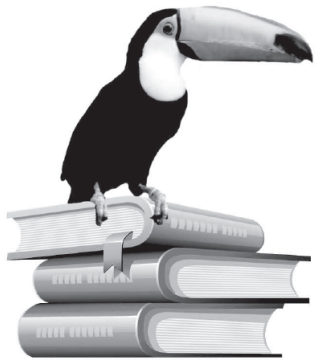
[30] Chicherin B.N. Philosophy of Law. - M.: Type. Kushnerev and K, 1900. - 336 p.

[31] Shevtsov S.G. On the issue of conceptual foundations of discretion and free will//Black holes in Russian legislation. 2012. №2. S. 43-46.

[32] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M., 1911. - 838 p.

[33] Muromtsev S.A. His definition of the basic division of law. - M., 1879. S.27-30.





Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru